

У ИСТОКОВ СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ: С. И. АРАЛОВ О КЕМАЛИСТСКОЙ ТУРЦИИ

А. С. Мигаль

*Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета*

Поступила в редакцию 21 сентября 2023 г.

Аннотация: 1920-е гг. были непростым периодом в истории новых республик – как Советской, так и Турецкой. Революция и последующие реформы Мустафы Кемаль неспроста вызвали интерес у правительства РСФСР по ряду геополитических причин. В условиях обострения отношений с Европой, нерешенного вопроса о статусе Босфора и Дарданелл, борьбы за влияние на Ближнем Востоке остро стояла необходимость налаживать связи и контакты. Семен Иванович Аралов, направленный в Турцию в качестве полномочного представителя РСФСР в 1922–1923 гг., стал прямым участником этого процесса. Его воспоминания о пребывании в Турецкой Республике позволяют проанализировать особенности развития двусторонних отношений между государствами, борьбу в турецких правящих кругах, а также позволяют проследить представления советского дипломата о новом государстве, его восприятие самой Кемалистской революции, ее идеологии, лидера и турецкого народа.

Ключевые слова: Семен Иванович Аралов, Мустафа Кемаль Ататюрк, Хусейн Рауф-бей, Кемалистская революция, советско-турецкие отношения, статус Босфора и Дарданелл.

Abstract: 1920s were a difficult period in the history of the new republics – both Soviet and Turkish. The revolution and subsequent reforms of Mustafa Kemal aroused the interest of the RSFSR government for several geopolitical reasons. In the context of worsening relations with Europe, the unresolved issue of the status of the Bosphorus and Dardanelles and the struggle for influence in the Middle East, there was an urgent need to establish connections and contacts. Semyon Ivanovich Aralov, sent to Turkey as a plenipotentiary representative of the RSFSR in 1922–1923, became a direct participant in this process. His memories about staying in the Turkish Republic make it possible to analyse the peculiarities of the development of bilateral relations between two states, the struggle in the Turkish ruling circles to determine the foreign policy course, and also allow us to trace the Soviet diplomat's ideas about the new state, his perception of the Kemalist revolution itself, its ideology, leader and the Turkish people.

Key words: Semyon Ivanovich Aralov, Mustafa Kemal Atatürk, Hüseyin Rauf Orbay, Kemalist Revolution, Soviet-Turkish relations, status of the Bosphorus and the Dardanelles.

История жизни Семена Ивановича Аралова (1880–1969) могла бы послужить основой для сценария остросюжетного исторического сериала, она необыкновенно интересна и наполнена самыми разнообразными событиями, связанными перипетиями российской истории 1920–1930-х гг. О некоторых деталях его биографии до сих пор мало сведений, нет и научных монографий о нем. Небольшой ряд очерков о С. И. Аралове носит справочный характер и тематически связан либо с его участием в Гражданской войне [1; 2], либо с историей советской военной разведки, ставшей родоначальницей ГРУ [3]. Однако не менее знаменательна и другая, дипломатическая, страница как в его биографии, так и в истории советско-турецких отношений – его работа в качестве полномочного представителя РСФСР в Турецкой

Республике (январь 1922 г. – апрель 1923 г.), отдельных исследований о которой нет. Однако этому периоду жизни Семен Иванович посвятил свои воспоминания [4]. Вместе с тем «Воспоминания советского дипломата. 1922–1923», изданные в 1960 г., являются и важным источником как о развитии сотрудничества между Турцией и Россией, так и о международных отношениях в данный период в целом.

20-е гг. XX в. были сложным периодом в истории Турции: поражение в Первой мировой войне, иностранная интервенция, последовавшая национально-освободительная борьба турецкого народа против нее, борьба с реакционными силами султана, которые активно поддерживала Антанта. В этой борьбе страна нуждалась и в материальной помощи, и в оружии, и в военном оборудовании, и в специалистах. Россия после революции 1917 г., иностранной интервенции и Гражданской войны находилась в не менее тяжелом положении, однако большевики совершили исторический поворот на налаживание дружеских отноше-

ний с давним историческим соперником на Востоке, поскольку все еще питали надежды на установление в Турецком государстве если не коммунизма, то тесных союзнических отношений в интересах своей безопасности в Черноморском регионе.

Первые шаги, направленные на налаживание советско-турецких дипломатических отношений, были предприняты сторонами в апреле 1920 г. по инициативе Мустафы Кемаля (1881–1938). 16 марта 1921 г. был заключен договор «о дружбе и братстве» (Московский договор), впервые закрепивший дипломатические отношения между двумя государствами и определивший их границы. По условиям Московского договора Россия брала на себя обязательство предоставить Турции безвозмездную помощь в размере 10 млн золотых рублей. Из этой суммы турецкому правительству было передано по частям в течение апреля–июня 1921 г. 5,4 млн рублей [5 с. 41]. Благодаря этой помощи Турции удалось отразить наступление греческой армии, нанести ей поражение и вынудить к подписанию Муданийского перемирия. Однако это было лишь перемирие, и не все проблемы, стоявшие перед турецким государством, были решены. Были необходимы как дальнейшая модернизация армии и обеспечение ее всем необходимым на случай продолжения боевых действий, так и заключение полноценного прочного мира.

Кандидатура Семена Ивановича Аралова в сложившихся условиях идеально подходила на роль советского полномочного представителя в Турции: с одной стороны, у него был богатый военный опыт, с другой стороны, он отлично знал специфику дипломатической работы и актуальные особенности международных отношений, поскольку с апреля 1921 г. работал в Народном комиссариате по иностранным делам РСФСР, а затем являлся полномочным представителем РСФСР в Литве. Как вспоминал позже сам С. И. Аралов, В. И. Ленин (1870–1924) в своей напутственной речи сказал ему следующее: «Турки дерутся за свое национальное освобождение. Поэтому Центральный комитет посылает вас туда – как знающего военное дело» [4, с. 34].

Интерес России был направлен как на поиск союзника на международной арене, так и на решение краеугольного вопроса о судьбе Босфора и Дарданелл, стремление обезопасить Черноморское побережье от возможной вражеской интервенции, запретив проход военных судов через них и обеспечив свободу торгового судоходства. Руководство РСФСР, признавая Турцию суверенным и дружественным государством, надеялось, что совместными усилиями двух государств эта цель будет достигнута. Статья 5 Московского договора о Проливах содержала следующее: «Дабы обеспечить открытие Проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов, обе

договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статуса Черного моря и Проливов будущей конференции из делегатов прибрежных государств при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице Константинополю» [6, с. 599]. Инициатор конференции в договоре указан не был. По понятным причинам, именно от возможного инициатора конференции в большей степени зависели и ее возможные итоги. Кроме того, к участию в ней предполагалось привлечь только прибрежные черноморские страны. Англия и Франция, обладавшие значительным весом на международной арене, ни за что не могли допустить, чтобы вопрос о Черноморских проливах решался без их участия, и стремились всячески оказывать давление на турецкое правительство. Позиция РСФСР была выражена С. И. Араловым в беседе с турецким премьер-министром Хусейном Рауфом Орбаем (1881–1964): «Советская Россия ни в коем случае не может согласиться ни на господство Англии в проливах, ни на контроль Лиги Наций, который равносителен контролю Англии» [4, с. 176]. Одна из задач, которая стояла перед Семеном Ивановичем, заключалась в том числе и в предоставлении советской стороне информации о попытках французов и англичан оказывать влияние на внешнюю политику правительства Мустафы Кемаля.

Лондон традиционно рассматривал Ближний Восток как регион, необходимый для укрепления империи. Укрепление как Турции, так и Советской России создавало серьезную угрозу британскому доминированию. Поэтому, с одной стороны, Великобритания поддерживала греческую армию для борьбы с турецким национально-освободительным движением, а с другой стороны, стремилась создать единый фронт против Советской России в Малой и Средней Азии, в том числе поддерживая панисламистов и пантюркистов, которые, по словам С. И. Аралова, являлись ее агентами [там же, с. 21–22]. «Империалисты Англии и Франции считали крайне важным держать в своих руках Крым и Закавказье, чтобы исключить прямую связь между новой Турцией и Советской Россией. В Крыму этой цели служили Врангель, в Закавказье – грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты», – писал в воспоминаниях Семен Иванович [там же, с. 23]. Он прямо обвинял Англию, Францию и США в стремлении овладеть бакинской нефтью, присвоить чиагурский марганец и другие природные ресурсы Закавказья, а также в том, что они вынуждали меньшевистские республики Закавказья оказывать помощь белогвардейской армии [там же, с. 25].

Что касается Рауфа Хуссейна, то с ним у Семена Ивановича складывались напряженные отноше-

ния, поскольку тот занимал проанглийскую позицию и симпатизировал Великобритании (неслучайно в 1940-е гг. он станет послом Турции в Лондоне). В своих воспоминаниях советский дипломат часто упоминает, что именно турецкий премьер-министр создавал помехи работе советской миссии в Турции: «Реуф-бей выражал недовольство нашими нотами, которые, по его словам, являлись формой “агитации” среди турецкого населения. Реуф-бей действовал в данном случае как скрытый султанист и англофил... за спиной Мустафы Кемалья вел интриги, поддерживая связь с реакционными силами в Стамбуле, а через них – с империалистическими кругами в Англии» [там же, с. 139–140].

В Баязиде, курдском городе, работал советский консул Юрий Владимирович Мальцев (ноябрь 1921 г. – август 1923 г.). Город, по описаниям Аралова, был беспокойным, поскольку там при поддержке англичан часто вспыхивали восстания. В этой связи присутствие торгового полпредства Советов там было крайне нежелательно. Если советское консульство в Измире было открыто при непосредственном содействии Мустафы Кемалья, то работе консульства в Баязиде всячески чинились помехи, руку к которым приложил и Рауф, создавая враждебный образ Советов [там же, с. 152]. Представляется, что именно турецкий премьер-министр и стал причиной отъезда С. И. Аралова в СССР в апреле 1923 г. Семен Иванович в своих мемуарах отмечал, что Рауфу Орбаю «не по душе была активная деятельность советского посла, направленная с самого начала на укрепление дружбы между нашими странами, мои частые встречи с Гази Мустафой Кемалем-пашой, поездки по фронту, беседы с депутатами меджлиса, организация моей женой встреч с турецкими женщинами, короче говоря, постоянные, почти ежедневные контакты с анкарской общественностью» [там же, с. 201–202].

Однако с лидером Турецкой Республики отношения у советского дипломата изначально складывались доверительные и дружеские. Часто во время совместных встреч они обсуждали внешнеполитическую повестку и критиковали как корыстные интересы западных держав, так и прежнюю политику султанов и императоров: «Мустафа Кемаль-паша как-то рассказал мне, что в Мосульской нефти весьма и весьма заинтересован лично Керзон. Он был акционером Мосульской компании “Тэркиш ойл”. Султан Абдул Гамид когда-то был хозяином Мосульской нефти, наследники Абдул Гамида передали свои права американцам. США защищали интересы “Стендард ойл”. Американский представитель Чайльд заявил, что Мосул должен иметь “открытые двери”. Англичанам важен Мосул как ближайший район к Курдистану, который они хотят прибрать к рукам для целей впол-

не понятных: это ближайший подход к Советской России, Персии и для давления на Турцию» [там же, с. 169]. Эти беседы плавно переходили и в борьбу Советской России против иностранной интервенции. Международная ситуация, в которой оба государства противостояли фактически одному и тому же противнику, способствовала советско-турецкому сближению.

Еще большему укреплению связей способствовали и частые совместные поездки на фронт С. И. Аралова и Мустафы Кемалья с целью инспектирования воинских частей. В ходе осмотров этих частей дипломат изначально отмечал, что армия находилась в плачевном состоянии: наблюдалась нехватка лошадей, обмундирования и снаряжения, кузнечное дело находилось в зачаточном состоянии, не было свободных типографий и самой академии генерального штаба, поэтому и политработа практически не проводилась [там же, с. 81, 87–88, 98, 102].

Весной 1922 г., когда разрабатывались планы генерального контрнаступления турецкой армии, совместные инспекции приобрели особое значение. Одним из частных примеров заимствования советского опыта является создание мощного кавалерийского корпуса, состоявшего из трех дивизий, которые ранее действовали разрозненно. Так возникла турецкая «конармия». У корпуса были артиллерийские и пулеметные подразделения, а его командиром был назначен опытный офицер-кавалерист Фахреттина, получивший после победоносной битвы при Сакарье генеральский чин. Сами турки называли его «нашим Буденным».

4 марта 1922 г. Мустафа Кемаль выехал на фронт с целью очередной инспекции и пригласил поехать с ним С. И. Аралова, советского военного атташе К. К. Звонарева (1892–1938) и азербайджанского посла И. М. Абилова (1881–1923). Они проехали по всему фронту через населенные пункты Полатлы, Сиврихисар, Акшехир, Болвадин, Чай, проинспектировали шесть пехотных дивизий, побывали на учениях кавалерийского корпуса, в тыловых учреждениях, посетили артиллерийское училище, кадетский корпус и школу кузнецов, созданную для подготовки специалистов по ковке лошадей для конных частей. Финалом поездки стало участие в празднованиях по случаю годовщины создания национальной армии. После митингов представители российского полпредства раздали небольшие подарки с надписью на турецком языке: «Турецкому солдату от Красной Армии Советской России». Советскую делегацию в свою очередь везде встречали приветливо, хорошо отзывались о русских, постоянно приглашали на чай и кофе, также дарили «незамысловатые подарки» [там же, с. 50, 52, 57, 73, 110]. «Собравшийся народ осматривал нас со всех сторон, нас даже ошупывали, как бы

проверяя, такие ли мы люди как все», – вспоминал С. И. Аралов [там же, с. 102].

Впечатление от воинских частей осталось у Аралова хорошее: это была регулярная, дисциплинированная, хорошо организованная армия, хотя и испытывавшая серьезные сложности с обмундированием. Важным результатом данной поездки стало и решение Мустафы Кемалья создать Академию генерального штаба на фронте для чтения лекций офицерам и штабным работникам, вновь с применением русского опыта в вопросах политического воспитания [там же, с. 88].

С. И. Аралов также оказал поддержку руководству Турецкой Республики в августе 1922 г., во время подготовки генерального контрнаступления народно-освободительной армии. 6 августа Мустафа Кемаль отдал секретный приказ о подготовке к наступлению войскам Западного фронта. В этот же день, для того чтобы запутать разведку противника, вместе с министром обороны Кязымом Мусой Карабекиром (1882–1948) вернулся в Анкару. 7 августа за ними последовал и Мустафа Февзи Чакмак (1876–1950), начальник генерального штаба. В турецкой прессе было официально объявлено, что в анкарской резиденции Мустафы Кемалья состоится встреча с членами Великого национального собрания Турции. Одновременно С. И. Аралов по просьбе турецкого лидера заявил о том, что в советском полпредстве 17 августа произойдет большой прием, на котором будут присутствовать Мустафа Кемаль и послы из других стран. Когда на приеме все собрались и ждали турецкого лидера, появился его адъютант, объявивший о плохом самочувствии Мустафы Кемалья и невозможности по этой причине быть на мероприятии. Все это было дезинформацией, поскольку в это же время турецкий главнокомандующий тайно выехал на фронт и 20 августа прибыл в штаб Западного фронта в Акшехире. 26 августа 1922 г. он отдал приказ о начале наступления.

Из воспоминаний Семена Ивановича следует, что Мустафа Кемаль был не только талантливым стратегом, но и человеком с огромной харизмой. Он постоянно отмечает народную любовь к турецкому лидеру и со стороны крестьян, и со стороны горожан, и со стороны солдат, которая особенно возросла после Саракийской битвы: «Влияние его, популярность, вера в него крестьян, городской буржуазии, военных были весьма велики» [там же, с. 61]. В их глазах он был, с одной стороны, патриотом и национальным спасителем: «Кемаль любил и сам спеть вместе с хором. Глаза его тогда темнели, становились грустными. В песнях звучали горе, страдания народа от бесконечных войн, тяжелые думы крестьянина» [там же], «...он до глубины души любил свою Родину, ее историю, ее песни» [там же, с. 76]. С другой стороны,

он был как бы человеком из народа, с теми же привычками, простотой в быту, открыт для общения со всеми: «Впервые в истории Турции глава государства откровенно и просто беседовал с народом о народо-власти, о насущных делах, интересующих массы» [там же, с. 102]. Его внешняя политика соответствовала интересам турецкого народа: «Линия Мустафы Кемалья на освобождение Турции от закабаления ее империалистами, на защиту ее от территориального раздела была понятна огромному большинству народа» [там же, с. 119]. Фактически в описаниях С. И. Аралова Мустафа Кемаль предстает лидером, подобным Владимиру Ильичу Ленину.

Схожими чертами обладали, по мнению Семена Ивановича, не только главы республик, но и их население: «Крестьяне удивительно похожи были на наших по облику, одежде; женщины – в белых платках, так же повязанных, как у нас» [там же, с. 104]. Политика Мустафы Кемалья в отношении народа также вызывала симпатии у советского дипломата: «Есть два средства для завоевания счастья – оружие и соха. Нация, побеждающая только оружием, в один прекрасный день станет жалкой и разоренной. Прочны лишь завоевания, сделанные сохой. Рука, поднимающая оружие, устанет, а рука, держащая соху, крепнет изо дня в день. Соха всегда побеждает оружие. Поэтому мы должны обеспечить прежде всего благосостояние земледельцам, ибо земледельцы и пастухи являются основными элементами нашего народа» [там же, с. 148].

Реформы в Турецкой Республике, так же как в Советской России, принесли женщинам свободу, сделали их полноправными участницами строительства политической жизни [там же, с. 151–152]. В одной из глав книги есть описания смелых и решительных действий командира турецкого партизанского отряда Фатмы Чауш, которая предстает в образе воительницы-защитницы в длинных кожаных сапогах и шашкой наголо, этаким красной комиссаршей времен Гражданской войны, но на турецкий манер [там же, с. 73, 151]. Деятельность Латифе Ушаклыгиль (1898–1975), супруги Мустафы Кемалья, которая «вела большую работу среди женщин Анкары по освобождению их от феодальных пережитков» и всюду, в том числе и в меджлисе, появлялась с открытым лицом, также вызывала положительную оценку С. И. Аралова [там же, с. 205]. И Кемаль, и Латифе-ханум, по его мнению, люди современные, о чем свидетельствует и тот факт, что свадьбу они сыграли не по старым обычаям – без чадры, без выкупа, в присутствии и мужчин, и женщин [там же, с. 205]. Оба они являлись хорошими примерами для своего народа.

При этом С. И. Аралов отмечал и двойственность турецкой политики. По его мнению, она проявлялась в том, что Мустафа Кемаль «мирился с полным бес-

правием и нищетой крестьянства, фактической властью помещиков и слугителей культа над деревней», «провел освобождение женщин от чадры, запретил многоженство, бытовые средневековые обычаи и вместе с тем он терпел жесткую эксплуатацию буржуазией рабочего класса, поддерживал запрещение рабочих организаций», «стоял за равноправие национальностей, но не давал самостоятельности курдам, армянам и другим национальным меньшинствам», «не проявлял настойчивости в борьбе против проникновения хищнического иностранного капитала», «поддавался порой нашептываниям реакционеров, старавшихся привить ему страх перед большевизмом, перед «коммунистической угрозой» [там же, с. 212–213]. Иными словами, турецкий лидер все же придерживался иной политической линии, далекой от идеалов коммунизма.

Внешняя политика Турецкой Республики также, по мнению дипломата, не всегда отличалась последовательностью. На переговорах в Лозанне она не выступила против факта изоляции советской делегации в процессе работы экспертной группы в составе представителей Турции, Италии, Англии и Франции о проливах. С. И. Аралов отметил, что, несмотря на то, что Исмет-паше удалось уничтожить Севрский договор, уступчивость, проявленная турецким правительством, привела в итоге к потере Мосула и предоставлению незначительного района Карагача вместо возможных выплат греками репараций, а кроме того, «западные державы уговорили Турцию согласиться на уплату в течение 20 лет оттоманского султанского долга западным капиталистам с распределением его между странами, к которым отошли бывшие турецкие территории» [там же, с. 198–199]. Тем не менее Лозаннский мирный договор определил судьбу Босфора и Дарданелл. Поскольку проливы оставались акваторией Турецкой Республики, она и другие страны Черноморского бассейна получили возможность пересмотреть условия конвенции о проливах, что в дальнейшем и произошло в Монтрё в 1936 г.

Мустафа Кемаль в своей беседе с Семеном Ивановичем высоко оценивал поддержку, которую оказывала Турции Россия: «Дружба наша базируется не только на вашей материальной помощи, но и на моральной. Мы помним, что в самое трудное время Советская Россия пришла нам на помощь, поддержа-

ла нас. Этого Турция никогда не забудет... Мы ценим советский народ, ваше правительство и В. И. Ленина за то, что помощь ваша бескорытна. Вы не требуете от нас покорности, выполнения каких-либо политических обязательств» [там же, с. 103–104]. Вклад в такой образ России внес и С. И. Аралов. Он не только сыграл важную роль в становлении двусторонних отношений между СССР и Турецкой Республикой, но и оказал поддержку при организации турецкого военного сопротивления иностранной интервенции в годы национально-освободительной войны. Из многолетнего противника Турция в 1920-е гг. превратилась в партнера Советской России, и в этом значительная заслуга советского дипломата. Его роль и особый характер советско-турецких отношений тех лет «закреплены» в одном из турецких мест памяти – скульптурной композиции, возведенной в 1928 г. на площади Таксим в Стамбуле. Данная композиция посвящена победе в национально-освободительной борьбе и основанию Турецкой Республики, где в одном ряду с героями местного национального движения среди соратников Ататюрка изображен и Семен Иванович.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аралов Семен Иванович // Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 40.
2. Аралов Семен Иванович // Советская военная энциклопедия : в 8 т. – 2-е изд. – М. : Воениздат, 1990. – Т. 1. – С. 229.
3. Аралов Семен Иванович. Разведка и контрразведка в лицах // Энциклопедический словарь российских спецслужб / авт.-сост. А. Диенко, предисл. В. Величко. – М. : Русский мир, 2002. – С. 27.
4. Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923 / С. И. Аралов. – М. : Издательство Института международных отношений, 1960. – 224 с.
5. Борков А. В. Черноморские проливы и советско-турецкие отношения в 1917–1923 гг. / А. В. Борков, А. В. Ильин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 36–47.
6. Договор между Россией и Турцией (16 марта 1921 г.) // Документы внешней политики СССР. Т. III. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – М. : Госполитиздат, 1959. – С. 597–604.

*Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета
Мигаль А. С., кандидат исторических наук, доцент
E-mail: migal@sfedu.ru*

*Institute of History and International Relations, Southern Federal University
Migal A. S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
E-mail: migal@sfedu.ru*